

Факультет подготовки специалистов для судебной системы
(юридический факультет)

Студенческая научно-исследовательская работа

**Взаимодействие норм международного гуманитарного права
и международного права прав человека: на примере потенциальной
легализации автономных летальных систем вооружения**

Выполнил:
студент 3 курса
очной формы обучения
Куц Степан Олегович

Научный руководитель:
заведующий кафедрой международного права
СКФ ФГБОУВО «РГУП»,
кандидат юридических наук, доцент
Новикова Татьяна Васильевна

Краснодар 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
1. Автономные летальные системы вооружений в современном международном праве	4
1.1. Понятие и критерии автономных летальных систем вооружений	4
1.2. Вопросы потенциального запрещения автономных летальных систем вооружений в рамках международного гуманитарного права.....	10
2. Взаимодействие норм международного гуманитарного права и международного права прав человека.....	15
2.1. Подходы к пониманию взаимодействия МГП и прав человека.....	15
2.2. Интеграция МГП и прав человека как возможность расширения стандартов защиты прав лиц, находящихся под влиянием вооруженных конфликтов	19
Заключение	23
Список использованной литературы.....	25

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбранной темы не вызывает сомнений, так как в настоящее время развитие научной мысли приводит к необходимости изучения и анализа новейших разработок в области летального оружия с целью определения соответствия существующим нормам международного права. Современное понимание применения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека позволяет говорить о новейшей форме их взаимодействия.

Основной целью научно-исследовательской работы является установление правовой природы автономных летальных систем вооружения для подтверждения возникшего процесса интеграции норм международного гуманитарного права и международного права прав человека.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы, в числе которых наиболее значимы анализ и синтез, а также специальные методы: историко-правовой и сравнительно-правовой.

Теоретическую основу исследования составили работы зарубежных и отечественных ученых в области международного гуманитарного права, а также международного права прав человека.

Научная новизна исследования состоит в выявлении современного подхода к пониманию правовой природы автономных систем вооружений, а также определения универсальных критериев таких вооружений. Одновременно с этим научная новизна исследования выражается в установлении современного подхода к пониманию взаимодействия международного гуманитарного права и международного права прав человека через интеграционные процессы.

Структура научно-исследовательской работы обусловлена ее темой и целью исследования. Состоит из двух глав, охватывающих четыре параграфа, введения, заключения и списка использованной литературы.

1. Автономные летальные системы вооружений в современном международном праве

1.1. Понятие и критерии автономных летальных систем вооружения

Динамичное развитие мировой экономики, новейшие разработки в области искусственного интеллекта, современные вызовы, стоящие перед государствами, а также новый уровень противостояния в разработке вооружений – все это вынуждает страны из года в год совершенствовать техническое обеспечение вооруженных сил. С каждым разом такое совершенствование позволяет применять все более независимые от человеческих решений технологии.

Процессы автоматизации (применения технических и программных средств для получения, передачи, хранения, распределения и преобразования информации о состоянии объектов, а также для управления объектами, направленное на достижение заданных целей с частичным или полным освобождением человека от управленческих решений¹) прочно вошли в повседневную жизнь каждого: системы адаптивного круиз-контроля в автомобилях, автоматизированные роботы-уборщики в домах и “невидимые сети” государственной программы “Безопасный город” на улицах давно перестали считаться необычными или разрушающими понимание о жизни среднестатистического человека. Однако одновременно с взрывным развитием такой области науки, как искусственный интеллект, появились идеи разработки новейших видов автономных вооружений, которые не просто снимут с человеческого персонала часть функций по их обеспечению, но и вовсе исключат необходимость присутствия человека при выполнении таким вооружением боевых задач – автономных летальных систем вооружений.

При этом на протяжении последнего десятилетия в разных областях науки разгораются споры о целесообразности разработки и применения таких видов

---

¹ Волик Б. Г., Юркевич Е. В. Автоматизация // Большая российская энциклопедия. Том 1. – М., 2005. – С. 152.

оружия. Необходимо отметить, что основополагающими в этой связи видятся проблемы потенциального запрещения указанного вида вооружений, так как, бесспорно, развитие технического оснащения армий происходит на порядок быстрее формирования правил ведения войны². В случае несоответствия разработанной системы обычным нормам международного права или же прямого запрещения такого оружия международными договорными нормами, под вопросом оказывается смысл реализации подобного проекта³.

На международном уровне под эгидой ООН обсуждения легальности автономных летальных систем вооружений (далее – АЛСВ) проводятся в рамках Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1980 года⁴ (далее – Конвенция о запрещении неизбирательного оружия) посредством заседаний группы правительственных экспертов по новейшим технологиям в области автономных летальных систем вооружений (далее – ГПЭ), с 2017 года носящих официальный статус на площадках ООН в Женеве.

Для целей настоящей работы считаем необходимым провести различие между оружием автоматическим, неавтономным и автономным. Так, в рамках обсуждения было достигнуто общее понимание стран-участниц о том, что автоматическое оружие должно быть исключено из обсуждения вопросов полностью автономных летальных систем вооружений из-за идентичности его природы с неавтономными видами вооружения, которые рассматриваются как сходно организованные. К автоматическому оружию, к примеру, в ходе

---

² Andrew Figueroa, *License to Kill: An Analysis of the Legality of Fully Autonomous Drones in the Context of International Use of Force Law*, 31 Pace Int'l L. Rev. 145 (2018), С. 147-48.

³ См.: James Farrant & Christopher M. Ford, *Autonomous Weapons and Weapon Reviews: The UK Second International Weapon Review Forum*, 93 Int'l L. Stud. 389 (2017), С. 399-400.

⁴ Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 октября 1980 г. (г. Нью-Йорк) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1984. – № 3. – Ст. 50.

обсуждения были отнесены мины, удаленно пилотируемые и автоматизированные системы (например, взрывное оружие, сопряженное с программируемым таймингом), теле-управляемые системы (беспилотные летательные аппараты любого вида, напрямую связанные с работой оператора в момент выполнения боевой задачи⁵), автоматизированные системы противоракетной обороны (например, мобильный комплекс THAAD и системы “Patriot” в США; самоходный комплекс Панцирь-С, ЗРК С-400 “Триумф” и С-500 “Прометей” в России⁶), торпеды и навигационные системы⁷. Такие виды вооружений выпадают из обсуждаемого понятия автономности, так как на одной из стадий выполнения боевой задачи каждого из упомянутых видов оружия присутствует решение, принимаемое человеком, что не соответствует природе автономного вооружения⁸.

В настоящее время на стадии обсуждения и разработки находится понятие АЛСВ, которое будет включать универсальные критерии для определения такого типа вооружения. К примеру, делегация из Нидерландов в рамках осенней сессии ГПЭ 2017 года в рабочем порядке предложила определить АЛСВ как “оружие, которое без человеческого вмешательства выбирает и захватывает цели, подпадающие под заранее установленные критерии, атака которого однажды запущена и не может быть прервана человеческим вмешательством”⁹. В указанном докладе было также предложено ограничить степень автономности обсуждаемого типа вооружения концепцией “значимого человеческого контроля”.

---

⁵ Практический словарь гуманитарного права / Пер. с фр. – М.: Издательство «Весь Мир», 2017. – С. 628.

⁶ Министерство обороны РФ, Справочник по терминологии в оборонной сфере, Зенитный ракетный комплекс. URL: <http://dictionary.mil.ru/folder/123087/item/130162/> (дата обращения 10.01.2020 г.).

⁷ Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Федеративной Республикой Германией и Французской Республикой), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2017/WP.4 (7 ноября 2017 г.), С. 2.

⁸ Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Бельгией), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2017/WP.3 (7 ноября 2017 г.), С. 2. См. также: Marco Sassóli, *Autonomous Weapons and International Humanitarian Law: Advantages Open Technical Questions and Legal Issues to be Clarified*, 90 Int'l L. Stud. 308 (2014), С. 311-12.

⁹ Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Нидерландами), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2017/WP.2 (9 октября 2017 г.), С. 1.

Через такой вид контроля человек не получит доступ к управлению операциями, однако именно за ним должны закрепляться функции по определению критериев захватываемых целей, избрание границ деятельности автономной системы (ограничения по времени и в пространстве), решение по активации АЛСВ, а также процедура “оценки боевого урона”, через которую будет реализовываться ответственность за использование АЛСВ¹⁰.

В свою очередь стоит отметить, что делегация из Соединенных Штатов Америки представила рабочее определение автономных систем на примере действующей Директивы Министерства обороны США от 21 ноября 2012 года “Автономность в системах вооружений”¹¹. Так, в соответствии с предложенным вариантом, автономные системы вооружений – это такие боевые системы, “которые однажды активированы и могут избирать и захватывать цели без какого-либо вмешательства человека-оператора”¹². Делегацией также было отмечено, что автономными необходимо признавать также и системы, в которых человек-оператор может отменять решения, принятые системой самостоятельно, при условии, что автономность выражается в избрании и захвате цели самой системой¹³. Такая отмена решений в доктринальных исследованиях именуется концепцией “человек над контуром”¹⁴.

Российская Федерация в лице делегатов на заседании ГПЭ предложила определить АЛСВ как “беспилотную часть технического средства ..., которая

---

¹⁰ Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Нидерландами), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2017/WP.2 (9 октября 2017 г.), С. 2.

¹¹ Директива Министерства обороны США (US Department of Defence Directive No 3000.09 Nov. 21, 2012). URL: https://fas.org/irp/doddir/dod/d3000_09.pdf (дата обращения 10.01.2020 г.).

¹² Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен США), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2017/WP.7 (10 ноября 2017 г.), С. 3.

¹³ Там же.

¹⁴ Ср. с концепциями “человек в контуре”, “человек вне контура”. См.: Ingvild Bode & Hendrik Huelss, *Autonomous weapons systems and changing norms in international relations*, 44 Rev. of Int'l Stud. 393; Human Right Watch Report, *Losing Humanity: The Case against Killer Robots* (Nov. 19, 2012). URL: <https://www.hrw.org/report/2012/11/19/losing-humanity/case-against-killer-robots> (дата обращения 10.01.2020 г.).

создана для выполнения или помощи в выполнении боевой задачи, действующей под контролем оператора, автономно или в сочетании указанных способов”¹⁵. Представленное определение оценивалось критично, так как достаточно сложно с его помощью провести четкую грань между автономными и полуавтономными системами вооружений.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что существует три универсальных критерия АЛСВ, которые находили отражение в каждом предложенном варианте определения и должны быть включены в стандарт такого вида вооружения. Таковыми можно именовать, во-первых, *автономность*, во-вторых, *летальность*, и, в-третьих, *оружейность*.

Критерий оружейности указывает на наличие в такой системе устройств и предметов, способных нести в себе энергию (кинетическую и потенциальную), направленную на причинение вреда живым организмам или нанесение ущерба предметам. В свою очередь летальность указывает на наличие в такой системе конструктивных особенностей, позволяющих нанести повреждения цели, а также наличие достаточной убойной силы для устранения цели¹⁶.

В свою очередь автономность является наиболее спорной категорией при определении природы АЛСВ. Анализ представленных ГПЭ докладов позволяет сделать вывод, что критерий автономности проявляется в процессе выбора и захвата цели. Максимальная автоматизация до идеи автономных систем вооружений доходила до сокращения функций оператора к единственной – выбор цели или же подтверждение выбора (верификация). Исключение оператора из процесса выбора цели приводит к автономности системы. Такое положение дел

---

¹⁵ Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Российской Федерацией), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2018/WP.6 (4 апреля 2018 г.), С. 2.

¹⁶ Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Эстонией и Финляндией), U.N. Doc. CCW/GGE.2/2018/WP.2 (4 августа 2018 г.), С. 1. См. также: ICRC, *Autonomy, artificial intelligence and robotics: Technical aspects of human control*, Aug. 20, 2019, С. 5. URL: https://www.icrc.org/en/download/file/102852/autonomy_artificial_intelligence_and_robotics.pdf (дата обращения 10.01.2020 г.).

обусловлено многозадачностью процесса выбора и захвата цели. В частности, Великобритания указала, что из шести стадий такого процесса, только одна может быть автоматизирована с последующим соблюдением международного права¹⁷. Более того, автономность позволяет системе самостоятельно производить планирование выполнения поставленной боевой задачи с разделением на подзадачи и проявлением субактивности, не предусмотренной задачей, но обеспечивающей её выполнение¹⁸.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что в настоящее время обсуждение потенциального создания автономных систем вооружений основывается на понимании степени автономности, которую создатели вкладывают в разработку, а, соответственно, и в понятие автономных летальных систем вооружений.

Считаем необходимым в рамках научного исследования предложить собственное определение понятия АЛСВ. *По нашему мнению, автономные летальные системы вооружений могут быть определены как оружие, оснащенное системой искусственного интеллекта, созданное для выполнения боевых задач или помощи в таком выполнении, наделенное достаточной убойной силой для поражения цели, которое после активации действует самостоятельно без вмешательства человека на протяжении всех стадий боевого процесса.*

---

¹⁷ Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Великобританией), U.N. Doc. CCW/GGE.2/2018/WP.1 (8 августа 2018 г.), С. 2-3.

¹⁸ Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Эстонией и Финляндией), U.N. Doc. CCW/GGE.2/2018/WP.2 (24 августа 2018 г.), С. 2. См. также: Kenneth Anderson, Daniel Reisner & Matthew Waxman, *Adapting the Law of Armed Conflict to Autonomous Weapon Systems*, 90 Int'l L. Stud. 386 (2014), С. 388.

1.2. Вопросы потенциального запрещения автономных летальных систем вооружений в рамках международного гуманитарного права

Неопределенность правового регулирования автономных летальных систем вооружений основана на теоретизации рассуждений о них. По состоянию на осень 2019 года ни одно государство в мире не обладает таким типом вооружения, соответствующего указанным выше критериям¹⁹.

Потенциальное применение АЛСВ полностью подпадает под сферу правового регулирования международного гуманитарного права (далее – МГП), что было также отмечено в Руководящих принципах, разработанных ГПЭ на осенней сессии 2019 года²⁰. Следовательно, страны-разработчики автономного типа оружия находятся под обязательством удостовериться в соответствии разработанного оружия действующим нормам международного права, в частности – нормам МГП²¹.

Главенствующая проблема в исследуемой области – насколько степень вкладываемой в систему автономности соответствует обычным принципам ведения войны. Наибольшие сомнения присутствуют при анализе соответствия АЛСВ критериям избирательного оружия. Неизбирательное действие оружия автоматически превращает такое оружие в незаконное, что закреплено в форме международного обычая²².

---

¹⁹ См.: Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Нидерландами), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2017/WP.2 (9 октября 2017 г.), С. 2; Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Российской Федерацией), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2017/WP.8 (10 ноября 2017 г.), С. 1; Chair's summary of the discussion of the 2018 Group of Governmental Experts on LAWS, U.N. Doc. CCW/GGE.1/2018/3 (23 октября 2018 г.), С. 1.

²⁰ Доклад 2019 сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ, U.N. Doc. CCW/GGE.1/2019/3 (25 сентября 2019 г.), С. 3-5.

²¹ Ст. ст. 1, 36 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) (г. Женева) // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Выпуск XLVI.

²² См. *практику государств*: Ст. ст. 51(4), 85(3)(b) Дополнительного протокола к Женевским конвенциям, от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных

Следовательно, если созданная автономная система не будет удовлетворять принципу избирательности, то она будет запрещена. Однако такая постановка ответа на вопрос о легальности АЛСВ не представляется всеобъемлющей. Так, к примеру, будет ли автономная система считаться удовлетворяющей критериям избирательности оружия, если программно сможет отличать комбатанта и гражданское лицо, объекты военного назначения и объекты медицинских служб (к примеру, МККК), но в дальнейшем будет испытывать затруднения при спорных ситуациях – сложение оружия комбатантом или же участие в военных действиях лица, внешне соответствующего критериям гражданского лица? Ответ на поставленный вопрос в международном праве на настоящий момент не найден.

Существует несколько путей решения проблемы легализации АЛСВ на современном этапе. Так, возможно принятие дополнительного протокола к Конвенции о запрещении неизбирательного оружия. Подобная ситуация произошла с запрещением ослепляющего лазера, которое было произведено до создания опытного боевого образца²³. Однако такое решение не видится оптимальным, так как вопросы легализации АЛСВ затрагивают природу такого типа оружия и должны быть направлены на исследование технических особенностей деятельности искусственного интеллекта в условиях вооруженных конфликтов. При этом следует отметить, что, в частности, лазерное оружие

конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) (г. Женева) // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Выпуск XLVI; ст. 3(3) Протокола II к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств) от 10 октября 1980 г. (г. Нью-Йорк) // Сборник международных договоров СССР. – 1985. – Выпуск XXXIX; UK The Joint Service Manual of the Law of Armed Conflict, UK Ministry of Defence, Joint Service Publication 383, art. 5.23, 12.22, 12.26, 13.28, 16.25 (4th ed. Jul. 1, 2004) URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/27874/JSP3832004Edition.pdf (дата обращения 10.01.2020 г.). См. *критерий opinio juris*: Резолюция ГА ООН 53/164 (25 февраля 1999 г.); Резолюция ГА ООН 55/116 (12 марта 2001 г.); Резолюция ГА ООН 58/96 (17 декабря 2003 г.); Резолюция СБ ООН 1772 (20 августа 2007 г.).

²³ Дополнительный Протокол IV к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Протокол об ослепляющем лазерном оружии) от 13 октября 1995 г. (г. Вена) // СЗ РФ. – 2005. – № 48. – Ст. 4969.

остаётся законным видом вооружения *per se*, а указанным протоколом был запрещен только отдельный способ его использования, вызывающий потерю зрения в случае применения²⁴.

Второй путь решения обозначенной проблемы заключается в применении существующих норм международного права с последующим созданием отдельного международного договора в будущем, так как в настоящее время отсутствует специальный международный договор, регулирующий автономные типы оружия. Создание подобного соглашения без четкого понимания технических особенностей и механизма работы искусственного интеллекта в условиях вооруженного конфликта видится необоснованным. При этом ключевое значение для оценки легальности АЛСВ может иметь оговорка Мартенса, актуальность которой подтверждал Международный Суд ООН²⁵.

Обеспокоенность мирового сообщества заключается в возможности передачи решения о применении силы от человека к искусственному интеллекту²⁶. Страны-разработчики АЛСВ (США, Китай, Российская Федерация, Великобритания) высказываются против запрещения такого вида оружия, приводя аргументы в пользу улучшения положения военнослужащих, участвующих в вооруженных конфликтах, которые будут снижать степень своего участия в них через увеличение автономных роботов. Нужно отметить, что те государства, которые высказываются за запрет автономных вооружений с летальной силой, напрямую отвергают возможность наложения запрета на

---

²⁴ Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Российской Федерацией), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2017/WP.8 (10 ноября 2017 г.), С. 2.

²⁵ Консультативное заключение Международного Суда ООН от 8 июля 1996 г. по вопросу о законности угрозы ядерным оружием или его применения // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 1992–1996. Нью-Йорк, 1998. URL: <https://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-1992-1996-ru.pdf> (дата обращения 10.01.2020 г.).

²⁶ Human Rights Watch, *Heed the Call: A Moral and Legal Imperative to Ban Killer Robots*, 21 августа 2018 г. URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2018/08/21/325480> (дата обращения 10.01.2020 г.).

исследование и разработку проектов в данной области²⁷. Такая позиция видится оправданной, ведь применение автономности может быть ограничено защитными действиями (активация только в ответ на заданную активность). В этом случае будет только повышаться стабильность современного миропорядка из-за возрастающей скорости принятия решения искусственным интеллектом.

Одновременно с этим ставится вопрос применения АЛСВ вне вооруженных конфликтов, а, следовательно, их соответствия стандартам защиты жизни в рамках международного права прав человека. *Право на жизнь есть центральное право человека, признаваемое в настоящее время за всеми людьми, защищаемое через запрещение произвольного лишения жизни*²⁸.

При определении произвольности лишения жизни должны учитываться три основных критерия: необходимость, исчерпание всех доступных средств, а также пропорциональность²⁹.

Так, ставится под сомнение возможность автономной системы соблюдать критерий необходимости и пропорциональности из-за отсутствия человеческих чувств. Учитывая отсутствие у искусственного интеллекта психологических возможностей оценки поведения захваченной цели, а также применения собственного опыта в подобной ситуации, справедливо отмечается, что АЛСВ по своей природе (отсутствие любого человеческого контроля за выполняемой задачей) не могут соответствовать требованию запрещения произвольного лишения жизни.

---

²⁷ Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Нидерландами), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2017/WP.2 (9 октября 2017 г.), С. 1.

²⁸ Ст. 3 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // Российская газета. – № 67. – 1995; ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291; Ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

²⁹ См.: Gregory P. Noone & Diana C. Noone, *The Debate Over Autonomous Weapons Systems*, 47 Case W. Res. J. Int'l L. 25 (2015), С. 35.

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что на современном этапе развития автономных летальных систем вооружений сложно однозначно утверждать об их полном соответствии или несоответствии действующим нормам международного права.

Однако видится справедливым, что переложение принятия решения о применении силы (в том числе летальной) с человека на роботизированные системы невозможно при полном отсутствии человеческого контроля над производимой операцией. Такая степень контроля не ставит под сомнение автономность летальной системы, однако позволит такой системе соответствовать как действующим нормам МПП, а так и нормам международного права прав человека. *Считаем применимой в настоящем случае концепцию “значимого человеческого контроля”, которая позволяет человеку находиться “над контуром” и вмешиваться в выполнение задачи автономной системы в случае нарушения или потенциального нарушения такой системой действующего корпуса применимых норм международного права.*

2. Взаимодействие норм международного гуманитарного права и международного права прав человека

2.1. Подходы к пониманию взаимодействия международного гуманитарного права и международного права прав человека

Проводя условное разделение на отрасли международного права, можно утверждать, что международное право прав человека есть особая совокупность международно-правовых норм, “направленная на обеспечение уважения прав и основных свобод людей без различия расы, пола, языка и религии”³⁰. Международное право прав человека реализуется в формах международных договоров, обычаев и принципов, которые содержат в себе как гарантированные права, так и обязанности государств. Такие обязанности выражаются в необходимости действовать определенным образом для осуществления прав человека (к примеру, осуществлять организацию справедливого судебного разбирательства) или же воздерживаться от действий, нарушающих права отдельных лиц (к примеру, проводить мероприятия, направленные на соблюдение запрета произвольного лишения жизни). Стоит отметить, что наибольший толчок в развитии прав человека произвели события Второй Мировой войны, однако в Уставе ООН не закреплены инструменты защиты прав человека, а лишь существуют указания на фундаментальное значение прав человека в создании системы международного права³¹.

Международное гуманитарное право, в отличие от прав человека, является особой областью международного права, которая защищает стороны вооруженного конфликта, а также гражданское население, подвергнутое влиянию такого конфликта. Основной целью МГП является минимизация страданий жертв

---

³⁰ Международное право. В 2 т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата / Под ред. А. Н. Вылегжанина. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – С. 146.

³¹ James Crawford, *Brownlie's principles of public international law*. Oxford University Press, 2012. С. 634.

вооруженных конфликтов, а также регуляция ведения боевых действий³². Международное гуманитарное право представляет собой совокупность норм, являющихся частью норм *ius in bello*, что подразумевает применение таких норм только в случае наличия реального вооруженного конфликта (международного или немеждународного характера)³³.

На ранних этапах взаимодействие указанных подсистем международного права происходило через строгое разделение указанных режимов, что приводило к выбору между ними³⁴. Однако, такой “первичный подход” существовал относительно недолго и был смещен пониманием того, что права человека не прекращают свое действие во время вооруженного конфликта.

Выделяя второй подход к пониманию взаимодействия МГП и международного права прав человека, нужно подчеркнуть, что была выработана и закреплена позиция сохранения действия прав человека во время вооруженного конфликта в той мере, в какой это возможно в рамках соответствия методам и способам ведения войны. Описанный подход был подтвержден в 1970-х гг. Резолюциями ГА ООН³⁵, а также правовыми позициями Международного Суда ООН³⁶. Так, к примеру, Международным Судом ООН справедливо было

---

³² Международное право. В 2 т. Т. 2: учебник для академического бакалавриата / Под ред. А. Н. Вылегжанина. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – С. 91.

³³ Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, Международно-правовая защита прав человека в вооруженных конфликтах (2011, г. Нью-Йорк и г. Женева). URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/HR_in_armed_conflict_RU.pdf (дата обращения 10.01.2020 г.).

³⁴ Malcolm N. Shaw, *International law*. Cambridge University Press, 2017. – С. 903.

³⁵ Резолюции ГА ООН 2597 (XXIV) (16 декабря 1969 г.), 2675 (XXV) (9 декабря 1970 г.), 2676 (XXV) (9 декабря 1970 г.), 2852 (XXVI) (20 декабря 1971 г.), 2853 (XXVI) (20 декабря 1971 г.), 3032 (XXVII) (18 декабря 1972 г.), 3102 (XXVIII) (12 декабря 1973 г.), 32/44 (8 декабря 1977 г.).

³⁶ Консультативное заключение Международного Суда ООН от 8 июля 1996 г. по вопросу о законности угрозы ядерным оружием или его применения, п. 25 // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 1992-1996. Нью-Йорк, 1998. URL: <https://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-1992-1996-ru.pdf> (дата обращения 10.01.2020 г.); Консультативное заключение Международного Суда ООН от 9 июля 2004 г. о правовых последствиях строительства стены на оккупированной Палестинской территории, п. 106 // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений

отмечено, что защита прав человека не прекращается на время вооруженного конфликта, а государство-сторона обязательства по защите прав человека может отступать от них только в случаях, прямо предусмотренных договорными нормами. Такое одновременное действие двух правовых режимов в доктрине именуют как “двойное применение” или комплементарный подход³⁷.

При таком подходе во взаимодействии двух областей международного права могут существовать три различных варианта правового регулирования: 1) возможно применение только норм международного гуманитарного права, 2) применению подлежат только нормы международного права прав человека, 3) ситуация покрывается единовременным применением норм МГП и международного права прав человека.

В последнем случае возможно два различных варианта развития дальнейшего регулирования. Покрывая одно и то же событие объективной реальности, нормы двух правовых режимов не противоречат друг другу в оценке действий, что, следовательно, не порождает проблем при возникновении такой ситуации. Обратное положение дел ставит вопрос о выборе применимого правового режима при различии в оценке объективной реальности (такое положение дел вызывается снижением стандартов защиты лиц в вооруженных конфликтах по сравнению с мирным временем и применением норм международного права прав человека).

В этой связи был выработан третий подход к пониманию взаимодействия МГП и прав человека – объявление норм международного гуманитарного права *lex specialis*. Применение правила о преваляции специальной нормы над общей в рассматриваемом случае необходимо лишь с учетом непрерывности

Международного Суда. 2003-2007. Нью-Йорк, 2010. URL: <https://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-2003-2007-ru.pdf> (дата обращения 10.01.2020 г.).

³⁷ Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, Международно-правовая защита прав человека в вооруженных конфликтах (2011, г. Нью-Йорк и г. Женева). URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/HR_in_armed_conflict_RU.pdf (дата обращения 10.01.2020 г.).

действия международного права прав человека во время вооруженных конфликтов, а также процедуры отступления от соблюдения прав человека, прямо установленной в международном договоре. Стоит отметить, что международные договоры в сфере прав человека нередко закрепляют в себе положения о недопустимости отступления от обязательств по некоторым нормам такого договора даже в случае чрезвычайной ситуации или военных действий. Так, к примеру, положения Конвенции о правах ребенка 1989 года содержат указания на необходимость “принимать все возможные меры с целью обеспечения защиты затрагиваемых вооруженным конфликтом детей”³⁸.

Международный Суд ООН в консультативном заключении по вопросу о законности угрозы ядерным оружием или его применения указал, что запрещение произвольного лишения жизни как принцип международного права прав человека применяется во время вооруженного конфликта, однако критерии произвольности должны быть оценены через призму стандартов лишения жизни в рамках международного гуманитарного права³⁹.

Применение во время вооруженного конфликта норм международного права прав человека обусловлено, к примеру, тем, что одна из сторон вооруженного конфликта допустила нарушения прав, которые не регулируются международным гуманитарным правом.

Следовательно, анализ выделяемых подходов к пониманию взаимодействия международного гуманитарного права и международного права прав человека позволяет нам утверждать, что в настоящее время наблюдается многоуровневая степень защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях

---

³⁸ Ст. 38(1) Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года (г. Нью-Йорк) // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Выпуск XLVI.

³⁹ Консультативное заключение Международного Суда ООН от 8 июля 1996 г. по вопросу о законности угрозы ядерным оружием или его применения, п. 25 // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 1992–1996. Нью-Йорк, 1998. URL: <https://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-1992-1996-ru.pdf> (дата обращения 10.01.2020 г.).

вооруженных конфликтов. Такая степень защиты оправдана современными реалиями вооруженных конфликтов и возникновением “очагов напряжения”, не позволяющих заявлять о наличии вооруженного конфликта.

2.2. Интеграция норм международного гуманитарного права и международного права прав человека, как возможность расширения стандартов защиты прав лиц, находящихся под влиянием вооруженных конфликтов

В настоящее время границы областей международного гуманитарного права и международного права прав человека преодолели комплементарность применения и с 1990-х гг. демонстрируют интегративные процессы. Формирование такой интеграции двух областей международного публичного права проистекает из обращений в правозащитные органы (суды по правам человека, правозащитные комиссии) жертв вооруженных конфликтов и их родственников⁴⁰.

К примеру, Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) в деле *Hassan v. UK* выразил солидарность с пониманием одновременного действия норм МГП и международного права прав человека при наличии вооруженного конфликта, обозначенным Международным Судом ООН. ЕСПЧ подчеркнул, что в случае игнорирования стороной-участницей процедуры отступления от исполнения обязательств положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года “могут быть истолкованы настолько это возможно в свете общих принципов международного права, включая нормы международного гуманитарного права, которые играют незаменимую и общепризнанную роль в снижении жестокости и негуманности в вооруженных конфликтах”⁴¹. В

---

⁴⁰ Malcolm N. Shaw, *International law*. Cambridge University Press, 2017. С. 904-5.

⁴¹ *Case Hassan v. UK*, European Court of Human Rights, Judgement of 16 September 2014, para. 101-2. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-146501> (дата обращения 10.01.2020 г.).

указанном деле Европейский Суд по правам человека также скорректировал свою позицию, данную по делу *Al-Jedda v. UK*, указав, что применение норм международного гуманитарного права, ограничивающих права человека (в деле – ограничение свободы), возможно даже без процедуры отступления по статье 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года⁴². Таким образом, ЕСПЧ принимает нормы международного гуманитарного права как минимальный порог ограничения прав человека в условиях вооруженного конфликта.

Принимая решения по делам, связанным с конфликтами немеждународного характера, ЕСПЧ производил расширение стандарта, закрепленного нормами МГП, для защиты лиц, находящихся под влиянием вооруженного конфликта. Примерами могут служить дела *Исаева против России*⁴³; *Исаева, Юсупова и Базаева против России*⁴⁴, а также *Banković and Others v. Belgium and Others*⁴⁵. В указанных делах, связанных с конфликтом в Чеченской Республике, ЕСПЧ установил, что сторона вооруженного конфликта обязана производить предупреждение об атаках, производимых не только своими силами, но и об известных готовящихся атаках противной стороны конфликта. Такой пример интегративного воздействия двух областей международного права показывает прямое влияние прав человека на защиту лиц, аффектированных вооруженным конфликтом.

В свою очередь Межамериканский Суд по правам человека в деле *Case of the Santo Domingo v. Colombia* указал, что применение норм международного

---

⁴² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

⁴³ Дело *Исаева против России*, European Court of Human Rights, Judgement of 24 February 2005. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-68381> (дата обращения 10.01.2020 г.).

⁴⁴ Дело *Исаева, Юсупова и Базаева против России*, European Court of Human Rights, Judgement of 24 February 2005. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-68379> (дата обращения 10.01.2020 г.).

⁴⁵ *Case Banković and Others v. Belgium and Others*, European Court of Human Rights, Decision as to the admissibility of Application No. 52207/99. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-22099> (дата обращения 10.01.2020 г.).

гуманитарного права в рассматриваемом деле возможно “как дополнительные нормы, помогающие толкованию”⁴⁶ положений Американской конвенции о правах человека 1969 года. Стоит также отметить, что Межамериканский Суд по правам человека явился единственным правозащитным органом, который применил нормы международного гуманитарного права напрямую при разрешении дела о нарушении прав человека.

Представленные примеры указывают на формирующийся процесс интеграции международного гуманитарного права и международного права прав человека. Современные позиции правозащитных органов не сводятся к выбору правового режима или же применения принципа *lex specialis*, что позволяет наблюдать интегративное взаимодействие указанных двух областей, с последующим изменением.

Считаем, что такое взаимодействие, во-первых, может быть воспринято в рамках минимального ограничения прав человека по стандартам международного гуманитарного права. Изложенный подход позволит установить минимальный уровень снижения обязательств по защите прав и свобод человека в условиях вооруженных конфликтов.

Во-вторых, интегративное понимание взаимодействия МГП и прав человека позволит рассматривать стандарт произвольного лишения жизни через призму норм международного гуманитарного права, регулирующих принципы необходимости и пропорциональности.

Изложенная современная форма взаимодействия международного гуманитарного права и международного права прав человека может позитивно отразиться на стандарте защиты лиц, находящихся под влиянием вооруженного конфликта. Именно в такой ситуации государству в лице его органов и должностных лиц необходимо будет оценивать в совокупности свои действия, принимая во внимание объединенные стандарты защиты лиц.

---

⁴⁶ *Case of the Santo Domingo v. Colombia*, Inter-American Court of Human Rights, Judgement of 30 November 2012, para. 24. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_259_ing.pdf (дата обращения 10.01.2020 г.).

В завершение отметим, что именно применение интегративного понимания соотношения международного гуманитарного права и международного права прав человека позволит всесторонне оценить потенциальное применение автономных летальных систем вооружений. Находясь в разряде оружия, такая техническая система обязана находиться в соответствии с нормами, регулирующими правила и способы ведения войны. Одновременно с этим, применение таких систем вооружений справедливо не может ограничиваться только вооруженными конфликтами. Правильная оценка действия автономных летальных систем вооружений в рамках международного права прав человека необходима для понимания возможности применения такого типа вооружения вне рамок вооруженного противостояния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

Во-первых, в настоящее время обсуждение потенциального создания автономных систем вооружений основывается на понимании степени автономности, которую создатели вкладывают в разработку, а, соответственно, и в понятие автономных летальных систем вооружений. Считаем необходимым в рамках научного исследования предложить собственное определение понятия АЛСВ. Автономные летальные системы вооружений могут быть определены как оружие, оснащенное системой искусственного интеллекта, созданное для выполнения боевых задач или помощи в таком выполнении, наделенное достаточной убойной силой для поражения цели, которое после активации действует самостоятельно без вмешательства человека на протяжении всех стадий боевого процесса.

Во-вторых, на современном этапе развития автономных летальных систем вооружений достаточно сложно критично утверждать об их полном соответствии или несоответствии действующим нормам международного права. Видится справедливым, что переложение принятия решения о применении силы (в том числе летальной) с человека на роботизированные системы невозможно при полном отсутствии человеческого контроля над производимой операцией. Такая степень контроля не ставит под сомнение автономность летальной системы, однако позволит указанной системе соответствовать как действующим нормам МГП, а так и нормам международного права прав человека. Считаем применимой в настоящем случае концепцию “значимого человеческого контроля”, которая позволяет человеку находиться “над контуром” и вмешиваться в выполнение задачи автономной системы в случае нарушения или потенциального нарушения такой системой действующего корпуса применимых норм международного права.

В-третьих, анализ выделяемых подходов к пониманию взаимодействия международного гуманитарного права и международного права прав человека позволяет нам утверждать, что в настоящее время наблюдается многоуровневая

степень защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях вооруженных конфликтов. Такая степень защиты оправдана современными реалиями вооруженных конфликтов и возникновением “очагов напряжения”, не позволяющих заявлять о наличии вооруженного конфликта.

В-четвертых, современная интегративная форма взаимодействия международного гуманитарного права и международного права прав человека может позитивно отразиться на стандарте защиты лиц, находящихся под влиянием вооруженного конфликта. Мы полагаем, что только применение интегративного понимания позволит всесторонне оценить потенциальное применение автономных летальных систем вооружений. Правильная оценка действия автономных летальных систем вооружений в рамках международного права прав человека необходима для понимания возможности применения такого типа вооружения вне рамок вооруженного противостояния.

Таким образом, можно заключить, что формирующийся процесс интеграции международного гуманитарного права и международного права прав человека позволит установить минимальные ограничения прав человека по стандартам международного гуманитарного права, а также рассматривать стандарт произвольного лишения жизни через призму норм международного гуманитарного права, что приведет к усовершенствованной защите прав и свобод человека в вооруженном конфликте и вне его рамок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Международные договоры и документы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // Российская газета. – № 67. – 1995.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
3. Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989 г. (г. Нью-Йорк) // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Выпуск XLVI.
4. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 08.06.1977 г. (Протокол I) (г. Женева) // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Выпуск XLVI.
5. Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10.10.1980 г. (г. Нью-Йорк) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1984. – № 3. – Ст. 50.
6. Протокол II к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств) от 10.10.1980 г. (г. Нью-Йорк) // Сборник международных договоров СССР. – 1985. – Выпуск XXXIX.
7. Дополнительный Протокол IV к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное

действие (Протокол об ослепляющем лазерном оружии) от 13.10.1995 г. (г. Вена) // СЗ РФ. – 2005. – № 48. – Ст. 4969.

8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.), Ст. 2 // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН

9. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2597 (XXIV) (16 декабря 1969 г.) URL: <https://www.un.org/en/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> (дата обращения 10.01.2020 г.).

10. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 53/164 (25 февраля 1999 г.) URL: <https://www.un.org/en/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> (дата обращения 10.01.2020 г.).

11. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2675 (XXV) (9 декабря 1970 г.) URL: <https://www.un.org/en/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> (дата обращения 10.01.2020 г.).

12. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2676 (XXV) (9 декабря 1970 г.) URL: <https://www.un.org/en/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> (дата обращения 10.01.2020 г.).

13. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2852 (XXVI) (20 декабря 1971 г.) URL: <https://www.un.org/en/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> (дата обращения 10.01.2020 г.).

14. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2853 (XXVI) (20 декабря 1971 г.) URL: <https://www.un.org/en/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> (дата обращения 10.01.2020 г.).

15. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3032 (XXVII) (18 декабря 1972 г.) URL: <https://www.un.org/en/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> (дата обращения 10.01.2020 г.).

16. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3102 (XXVIII) (12 декабря 1973 г.) URL: <https://www.un.org/en/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> (дата обращения 10.01.2020 г.).

17. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 32/44 (8 декабря 1977 г.) URL: <https://www.un.org/en/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> (дата обращения 10.01.2020 г.).

18. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 55/116 (12 марта 2001 г.) URL: <https://www.un.org/en/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> (дата обращения 10.01.2020 г.).

19. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 58/96 (17 декабря 2003 г.) URL: <https://www.un.org/en/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> (дата обращения 10.01.2020 г.).

20. Резолюция Совета Безопасности ООН 1772 (20 августа 2007 г.) URL: <https://www.un.org/securitycouncil/content/resolutions> (дата обращения 10.01.2020 г.).

**Документы группы правительственных экспертов,
международных органов и организаций**

21. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, Международно-правовая защита прав человека в вооруженных конфликтах (2011, г. Нью-Йорк и г. Женева). URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/HR_in_armed_conflict_RU.pdf (дата обращения 10.01.2020 г.).

22. Доклад 2019 сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ, U.N. Doc. CCW/GGE.1/2019/3 (25 сентября 2019 г.).

23. Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Бельгией), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2017/WP.3 (7 ноября 2017 г.).

24. Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Великобританией), U.N. Doc. CCW/GGE.2/2018/WP.1 (8 августа 2018 г.).
25. Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Нидерландами), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2017/WP.2 (9 октября 2017 г.).
26. Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Российской Федерацией), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2017/WP.8 (10 ноября 2017 г.).
27. Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Российской Федерацией), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2018/WP.6 (4 апреля 2018 г.).
28. Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен США), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2017/WP.7 (10 ноября 2017 г.).
29. Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Федеративной Республикой Германией и Французской Республикой), U.N. Doc. CCW/GGE.1/2017/WP.4 (7 ноября 2017 г.).
30. Рабочий доклад для сессии группы правительственных экспертов в области АЛСВ (представлен Эстонией и Финляндией), U.N. Doc. CCW/GGE.2/2018/WP.2 (24 августа 2018 г.).
31. Chair's summary of the discussion of the 2018 Group of Governmental Experts on LAWS, U.N. Doc. CCW/GGE.1/2018/3 (23 октября 2018 г.).
32. ICRC, Autonomy, artificial intelligence and robotics: Technical aspects of human control, Aug. 20, 2019. URL: https://www.icrc.org/en/download/file/102852/autonomy_artificial_intelligence_and_robotics.pdf (дата обращения 10.01.2020 г.).
33. Human Right Watch Report, Losing Humanity: The Case against Killer Robots (Nov. 19, 2012). URL: <https://www.hrw.org/report/2012/11/19/losing-humanity/case-against-killer-robots> (дата обращения 10.01.2020 г.).

34. Human Rights Watch, Heed the Call: A Moral and Legal Imperative to Ban Killer Robots, 21 августа 2018 г. URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2018/08/21/325480> (дата обращения 10.01.2020 г.).

Национальные документы государств

35. Министерство обороны РФ, Справочник по терминологии в оборонной сфере, Зенитный ракетный комплекс. URL: <http://dictionary.mil.ru/folder/123087/item/130162/> (дата обращения 10.01.2020 г.).

36. Директива Министерства обороны США (US Department of Defence Directive No 3000.09 Nov. 21, 2012). URL: https://fas.org/irp/doddir/dod/d3000_09.pdf (дата обращения 10.01.2020 г.).

37. UK The Joint Service Manual of the Law of Armed Conflict, UK Ministry of Defence, Joint Service Publication 383, (4th ed. Jul. 1, 2004) URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/27874/JSP3832004Edition.pdf (дата обращения 10.01.2020 г.).

Специальная литература

38. Волик Б. Г., Юркевич Е. В. Автоматизация // Большая российская энциклопедия. Том 1. – М., 2005. – 766 с.

39. Международное право. В 2 т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата / Под ред. А. Н. Вылегжанина. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 290 с.

40. Международное право. В 2 т. Т. 2: учебник для академического бакалавриата / Под ред. А. Н. Вылегжанина.– М.: Издательство Юрайт, 2016. – 312 с.

41. Практический словарь гуманитарного права / Пер. с фр. – М.: Издательство «Весь Мир», 2017. – 1024 с.

42. Andrew Figueroa, *License to Kill: An Analysis of the Legality of Fully Autonomous Drones in the Context of International Use of Force Law*, 31 Pace Int'l L. Rev. 145 (2018).
43. Gregory P. Noone & Diana C. Noone, *The Debate Over Autonomous Weapons Systems*, 47 Case W. Res. J. Int'l L. 25 (2015).
44. Ingvild Bode & Hendrik Huelss, *Autonomous weapons systems and changing norms in international relations*, 44 Rev. of Int'l Stud. 393.
45. James Crawford, *Brownlie's principles of public international law*. Oxford University Press, 2012. 803 p.
46. James Farrant & Christopher M. Ford, *Autonomous Weapons and Weapon Reviews: The UK Second International Weapon Review Forum*, 93 Int'l L. Stud. 389 (2017).
47. Kenneth Anderson, Daniel Reisner & Matthew Waxman, *Adapting the Law of Armed Conflict to Autonomous Weapon Systems*, 90 Int'l L. Stud. 386 (2014).
48. Malcolm N. Shaw, *International law*. Cambridge University Press, 2017. 1033 p.
49. Marco Sassóli, *Autonomous Weapons and International Humanitarian Law: Advantages Open Technical Questions and Legal Issues to be Clarified*, 90 Int'l L. Stud. 308 (2014).

Материалы практики Международного Суда ООН, Европейского Суда по правам человека и Межамериканского Суда по правам человека

50. Консультативное заключение Международного Суда ООН от 8 июля 1996 г. по вопросу о законности угрозы ядерным оружием или его применения // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 1992-1996. Нью-Йорк, 1998. URL: <https://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-1992-1996-ru.pdf> (дата обращения 10.01.2020 г.).
51. Консультативное заключение Международного Суда ООН от 9 июля 2004 г. о правовых последствиях строительства стены на оккупированной

Палестинской территории // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 2003-2007. Нью-Йорк, 2010. URL: <https://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-2003-2007-ru.pdf> (дата обращения 10.01.2020 г.).

52. *Дело Исаева против России*, European Court of Human Rights, Judgement of 24 February 2005. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-68381> (дата обращения 10.01.2020 г.).

53. *Дело Исаева, Юсупова и Базаева против России*, European Court of Human Rights, Judgement of 24 February 2005. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-68379> (дата обращения 10.01.2020 г.).

54. *Case Banković and Others v. Belgium and Others*, European Court of Human Rights, Decision as to the admissibility of Application No. 52207/99. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-22099> (дата обращения 10.01.2020 г.).

55. *Case Hassan v. UK*, European Court of Human Rights, Judgement of 16 September 2014. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-146501> (дата обращения 10.01.2020 г.).

56. *Case of the Santo Domingo v. Colombia*, Inter-American Court of Human Rights, Judgement of 30 November 2012. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_259_ing.pdf (дата обращения 10.01.2020 г.).

Работа выполнена с использованием системы КонсультантПлюс.